

**МИГРАНТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР
КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИИ**

Шумилова П.А.

*Аспирант, кафедра ИМК и брендинга
Уральского федерального университета,
г. Екатеринбург, Россия
Polina_shumilova@mail.ru*

**THE MIGRANT'S SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF CULTURAL
INTEGRATION OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN RUSSIA**

Shumilova P

*aspirant of chair of integrated
marketing communications and branding
Ural State University,
Ekaterinburg, Russia
Polina_shumilova@mail.ru*

Аннотация

Статья указывает на определяющее влияние сложившейся системы социальных сетей на социо-культурную интеграцию мигрантов из стран Центральной Азии в России. Данная стратегия взаимодействия с принимающим сообществом является культурно обусловленной моделью функционирования обществ стран Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркмении, особенности которой необходимо учитывать при анализе процессов аккультурации иноэтничных мигрантов на территории Российской Федерации.

Annotation

The article points to the determinative influence the existing system of social networks in socio-cultural integration of migrants from Central Asia in Russia. This strategy of interaction with the host community is a culturally based model of societies in Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan, the features of

which must be considered when analyzing the acculturation processes of migrants with different ethnicity in the Russian Federation.

Ключевые слова: социальные сети, иноэтничные мигранты, элементы культуры, социальные взаимодействия

Key words: social networks, migrants with different ethnicity, elements of culture, social interactions

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00467
«Разъединяющие элементы культуры как фактор латентной конфликтности при взаимодействии иноэтничных мигрантов и россиян»

Тема миграции из стран Центральной Азии становится все более актуальной не только для России, но и для всего мира. И если на Европейские страны или Соединенные штаты Америки уроженцы Таджикистана, Киргизстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана смотрят с желанием переехать туда на постоянное место жительства, то Российская Федерация интересуется их в основном с точки зрения рабочих мест и временного заработка. Однако, не зависимо от того, на какое время и с какой целью приезжают мигранты в принимающую страну, местные жители предъявляют однозначно выраженные требования в соблюдении их норм и правил поведения, обусловленных культурой и правовыми нормами [6].

По данным исследований, проведенных среди трудовых мигрантов из Центральной Азии в России, большинство респондентов считают, что достаточно активно переняли культурные особенности принимающего сообщества. При этом опрошенные екатеринбуржцы с негативом отмечают разницу в поведении приезжих, ссылаясь на разницу культур [1].

Не смотря на то, что трудовые мигранты не имеют четкой направленности на интеграцию в российское сообщество, они в целом не против перенять часть культурных паттернов и имеют к этому потенциал.

Одним из препятствующих данному процессу факторов является стратегия интеграции мигрантскими социальными сетями, и этот факт очень важен для анализа социального функционирования трудовых мигрантов из Центральной Азии на территории России. В течении нескольких десятилетий сформировался и укрепился определенный путь их включения в принимающее сообщество, который можно определить как комплекс мигрантских социальных сетей. Общее понимание социальной сети социологии можно выразить как объединение трех составляющих: (1) совокупности позиций; (2) отношений между позициями; (3) потоков ресурсов [2]. Под позициями понимаются акторы (мигранты), отношение между позициями – это взаимодействие внутри сети и с внешним миром, под потоком ресурсов – все, что связано с проживанием на территории России. Давая предварительную краткую характеристику этим сетям можно отнести их к неформальным плотным социальным образованиям, с иерархичным вертикальным устройством, выполняющим задачу организации трудо- и жизнедеятельности мигрантов.

Данные общности имеют своего лидера, наиболее близких лидеру людей и остальных членов общности. Лидер обладает определенными характеристиками. Это может быть как мужчина, так и женщина (но мужчин больше), возраст от 35 до 45 лет, хорошо знающие русский язык, имеющие авторитет на Родине и в той или иной степени несущие ответственность за проживание остальных членов общности в России. Важным для этих акторов является качество высокой интегрированности в российское сообщество. Именно эти люди являются прекрасным примером степени принятия российской культурной идентичности, как возможности и глубины данного процесса. Лидер владеет связями для осуществления трудовой деятельности в России, может обеспечить или помочь найти место проживания,

контролирует или оказывает существенное влияние на коммуникации членов общности с принимающим сообществом, их образ поведения, время пребывания в России, и часто финансовую организацию доходов и их распределение (отправка денег на родину, аккумуляция заработанного капитала, выдача расходных денег), а так же способствует урегулированию правовых, конфликтных, протекционных вопросов пребывания в России, владеет формальными и неформальными связями для решения различных вопросов. Способствует сохранению национальной культуры.

Наиболее близкие и следующие по статусу – старшие сыновья, братья, близкие друзья лидера. Обладают авторитетом и оказывают влияние на импортируемых через лидера мигрантов. Остальные члены общности – это всевозможные дальние родственники, родственники родственников, знакомые, их дети и их родственники и т.д. Такие общности могут отличаться размерами и иметь некоторые модификации, однако общим для них является то, что они объединены по национальному признаку, имеют иерархичную структуру, культурно обусловлены, неотъемлемы для трудовых мигрантов.

Таким образом, направление ресурсов идет от лидера к остальным членам социальных сетей однонаправленно.

Безусловно, такие общности являются неофициальными объединениями, но они представляют собой прочно устоявшуюся форму социального взаимодействия мигрантов с российским сообществом, имеющую свои культурно обусловленные регулятивные нормы, отвечающую потребности ее участников в реализации трудовой и функциональной жизнедеятельности в принимающем сообществе. Выполняется функция защиты и опеки, заключающаяся, в частности, в минимизации контактов с принимающим сообществом. Это связано, прежде всего, с плохим знанием русского языка, правовой безграмотностью, юридической и физической уязвимостью. Мигрантские социальные сети сформировались как ответ на условия приема со стороны принимающего российского сообщества, с которыми

представители Центральной Азии – это правовое уничтожение, дискриминация, рабство, угроза здоровью и жизни.

Необходимо отметить, что этот ответ уже имел готовый шаблон в культуре народов Центральной Азии как исторически сформировавшаяся форма социального устройства. Общинность и клановость является состоявшейся и оправданной с точки зрения истории, культуры, географии и цивилизационного развития система организации общества. Синтез обособленных макроколлективов, объединенных одной культурно-религиозной концепцией и гражданскими государственными границами, сформировал общинный и клановый социальные институты. Именно они задают формат взаимопомощи и конкуренции, сотрудничества и борьбы в обществе, то есть регулируют малые и средние социальные взаимодействия жителей Центральной Азии. Для народов этого региона отдельной ценностью являются социальные связи [4] (семейные, дружеские, приятельские, ранговые и т.д.), которые они поддерживают путем обязательных позитивных коммуникативных традиций (например, обязательные встречи по определенным дням с друзьями (в четверг) и одноклассниками (в субботу) за чаепитием, походы в гости, обязательная телефонная связь и пр.). Сохранение, воспроизведение и развитие моральных норм, жизненных ценностей, духовно-нравственных и мировоззренческих качеств, социализация и интеграция, социальная мобильность (или наоборот ее ограничение) – все это осуществляется по законам коллективного уклада культуры народов Центральной Азии – общинным контролем, жесткой иерархичной структурой, неформальными связями[3].

Таким образом, сложившаяся система мигрантских социальных сетей на территории России – это своего рода проекция общественного устройства Центральной Азии. Именно поэтому интеграцию в российское культурное поле следует рассматривать в связи с функционированием этих сетей, поскольку они оказывают решающее значение в этом процессе.

Социальные сети можно охарактеризовать 4 основными параметрами: структура сети, процессы взаимодействия, выполняемые функции, состав участников. К структурным свойствам относятся: размер (количество акторов сети), территориальность (концентрация, рассеянность сети), открытость (количество связей до внешних ресурсов), связность (плотность отношений), степень кластеризации; однородность / неоднородность. Процессы, осуществляемые внутри социальной сети, разделяются по нескольким направлениям: форма общения (разговоры, помощь); тип связей (дружба, семейные, профессиональные); частота контактов; направление связей (однаправленные, взаимонаправленные); длительность связей; степень близости; форматы поддерживания связей; интенсивность (значимость прав и обязанностей участников сети) [5] ⁴. На формирование новых культурных правил в рамках социальной сети влияют преимущественно свойства связности, интенсивности, открытости, частоты контактов, направленности связей. Говоря о социальных сетях мигрантов из Центральной Азии в России их можно описать как высокоплотные, интенсивные, закрытые сети с высокой частотой контактов и однаправленные по иерархии участников. Очевидно, что такие сети хорошо сохраняют имеющиеся культурные образцы поведения, но при этом быстро усваивают новые культурные паттерны, если они поддерживаемы лидерами. Однако в этой же связи возникают трудности с усвоением норм и правил, которые не одобряются сетью.

Таким образом, культурную интеграцию трудовых мигрантов из Центральной Азии нельзя рассматривать в отделении от социальных сетей, в которые они включены и обязательно учитывать их при анализе и контроле социального функционирования мигрантов на территории Российской Федерации.

---

⁴ Лифинцев Д.В., Социальные сети и практика социальной работы, «Идеи и идеалы» № 3(9), т. 1, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, 2011, с.49-62

Список литературы

1. Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л., Савчук Г.А. Отношение жителей уральского мегаполиса к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии: факторный анализ // Вестник Томского государственного университета: философия, социология, политология. 2018. № 44. С. 137-146
2. Градосельская Г. В., Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник». 2004. 248 с.
3. Нурулла-Ходжаева, Н. Т. Общинность как социокультурный феномен : диалектика традиции и модернизации на примере Центральной Азии : диссертация ... доктора философских наук : 24.00.01 / Нурулла-Ходжаева Н. Т.; Б.м., 2013.- 380 с.
4. Нурулла-Ходжаева Н.Т. Центрально-азиатский регион и его общинная культура: диалектика единства и многообразия, // Электронный журнал "Философская мысль". № 04, 2014. С. 68-91 DOI: 10.7256/2306-0174.2014.4.11806, режим доступа http://e-notabene.ru/fr/contents_2014_4.html
5. Лифинцев Д.В. Социальные сети и практика социальной работы // Идеи и идеалы. № 3(9). Т. 1. Калининград: 2011. С.49-62
6. Проблемы формирования социальной идентичности жителей уральского мегаполиса и иноэтничных мигрантов : монография / [И. Б. Бритвина, А. М. Бритвин, Г. А. Савчук и др.] ; под общ. ред. проф. И. Б. Бритвиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 23